Эпистемология и философия науки
2026. Т. 63. № 3. С. 189–206
УДК 167.7

Epistemology & Philosophy of Science
2026, vol. 63, no. 3, pp. 189–206
DOI: https://doi.org/10.5840/eps202663348

Адаптивный ответ: рецепция взглядов Ф. Энгельса на наследственность и антропогенез советскими биологами (1920–1950-е гг.)

Винарский Максим Викторович – доктор биологических наук, профессор.
Санкт-Петербургский государственный университет.
Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9.
Ведущий научный сотрудник.
Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН.
Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 5;
e-mail: radix.vinarski@gmail.com

На основе изучения опубликованных и архивных текстов в статье рассматривается многообразие подходов советских биологов к рецепции высказываний Энгельса (и других «классиков марксизма»), относящихся к проблеме происхождения человека и наследованию приобретенных признаков (неоламаркизму). Показано, что в условиях советской идеократии догматический подход к пониманию и использованию канонизированных текстов «основоположников марксизма» часто сочетался с явно селективным и интерпретирующим подходом, что позволяло до некоторой степени согласовать высказывания «классиков» с современными научными данными. При незыблемости философского и научного авторитета Энгельса в целом, в советское время замалчивались его откровенно расистские высказывания о врожденных различиях когнитивных способностей «высших» и «низших» рас, а его убеждение в реальности ламаркистского механизма «наследования приобретенных признаков» трактовалось ситуативно, в зависимости от собственной научной позиции интерпретатора и существовавшей в данный момент времени официальной оценки научной состоятельности и философской приемлемости ламаркизма. Такое разнообразие приемов цитирования и интерпретации рассматривается как «адаптивный ответ» советского биологического сообщества на требование государственной власти придерживаться «единственно правильного» марксистского мировоззрения, канонизированного в виде корпуса доктринальных текстов Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

Ключевые слова: «Диалектика природы», диалектический материализм, антропогенез, неоламаркизм, наследование приобретенных признаков, советская идеология

Adaptive response: the reception of F. Engels' views on heredity and anthropogenesis by Soviet biologists (1920s–1950s)

Maxim V. Vinarski – DSc in Biology, Professor.

Based on a study of published and archival texts, the article examines the diversity of approaches among Soviet biologists

© Винарский М.В., 2026

Saint Petersburg State University.
7/9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg 199034, Russian Federation.
Saint Petersburg branch of the S.I. Vavilov Institute of the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences.
5 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg 199034, Russian Federation;
e-mail: radix.vinarski@gmail.com

to the reception of statements by Engels (and other "classics of Marxism") concerning the problem of the origin of man and the inheritance of acquired characteristics (neo-Lamarckism). It is shown that under the conditions of Soviet ideocracy, the dogmatic approach to the understanding and use of the canonized texts of the "founders of Marxism" was often combined with a distinctly selective and interpretive approach, which made it possible to reconcile the statements of the "classics" with contemporary scientific data to a certain degree. Despite the inviolability of Engels' philosophical and scientific authority in general, his overtly racist statements about the innate differences in cognitive abilities between "higher" and "lower" races were hushed up during the Soviet period, while his conviction in the reality of the Lamarckian mechanism of "inheritance of acquired characteristics" was interpreted situationally, depending on the interpreter's own scientific position and the official assessment at any given time of the scientific validity and philosophical acceptability of Lamarckism. This diversity of citation and interpretive practices is considered as an "adaptive response" of the Soviet biological community to the demand of state authorities to adhere to the "only correct" Marxist worldview, canonized in the form of a corpus of doctrinal texts by Marx, Engels, Lenin, and Stalin.

Keywords: "Dialectics of Nature", dialectical materialism, human evolution, neo-Lamarckism, inheritance of acquired traits, Soviet ideology

Введение

Трактовка советского государственного устройства как квазирелигиозного по своей природе давно стала общим местом. Н.А. Бердяев [Berdyaev, 1937] был едва ли первым, но, вероятно, самым влиятельным из авторов, проводивших аналогию между классической теократией и советской идеократией. Параллели так очевидны, что в литературе на них указывалось многократно. Действительно, уже в начале 1920-х гг. революционная власть создала в СССР свою, секулярную, обрядность и культ «святых» (революционные мыслители, мученики за идею), сформировала догматику и сословие профессиональных толкователей догмы. Наконец, существовало и «священное писание» – корпус сочинений классиков марксизма. Следование этому канону считалось обязательным условием для работы в области науки и философии. Уже в 1922 г. В.И. Ленин в директивной форме потребовал от каждого советского естествоиспытателя «быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, то есть… быть диалектическим материалистом» [Ленин, 1922, с. 9–10]. От ученых-гуманитариев столь же безоговорочно требовалось следовать положениям исторического материализма.

Принятие в качестве источника мировоззренческой истины свода канонизированных текстов неизбежно привело к известному в богословском дискурсе феномену начетничества и цитатности. Прагматика и тактика использования цитат из «классиков марксизма» советскими учеными подробнее всего изучены на примере сообщества историков [Сидорова, 2008; Юрганов, 2019; Крих, 2020]. В наиболее прямолинейной форме их суммировал в своих воспоминаниях Арон Гуревич: «Неотъемлемой стороной научного труда историка являлось тогда обильное цитирование "классиков", высказывания которых воспринимались как истина в последней инстанции» [Гуревич, 2004, с. 89]. В науку вошло понятие о «ритуальном цитировании», целью которого был не поиск научной истины, а демонстрация авторами собственной политической лояльности и знакомства с доктринальными философскими текстами [Сидорова, 2008; Винарский, 2025].

Но если для гуманитариев основными источниками цитат служили сочинения (причем не только опубликованные при жизни, но и рукописные тексты и частная переписка) Маркса, Ленина и (в 1930–1950-е гг.) Сталина, то в области естественных наук важнейшим авторитетом были тексты Фридриха Энгельса. Прочие «классики» вопросами философии естествознания занимались мало (исключение – «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина). Энгельс же рассматривался как в советской [Кедров, 1947], так и в западной [Jordan, 1967] литературе как автор, специально и глубоко обращавшийся к достижениям современных ему естественных наук и потому внесший решающий вклад в «кодификацию» диалектического материализма. В 1920-е гг. Н. Гредескул (бывший член ЦК кадетской партии, ставший лояльным советским профессором) обосновал это в виде микронарратива: Маркс и Энгельс, желая «сомкнуть свое учение с естествознанием», организовали «своего рода научное разделение труда: Маркс продолжал работать в области обществознания, а Энгельс был как бы откомандирован от имени марксизма на фронт естествознания. И он в течение десятков лет изучал естествознание…» [Гредескул, 1928, с. 23].

Особенности обращения советских ученых-естественников к работам «классиков» изучены далеко не достаточно. В этой статье я рассматриваю историю «творческой» апроприации биологами СССР взглядов Энгельса на происхождение человека и связанных с этой проблемой идей о наследственности. Представляется, что, в силу своей первостепенной идеологической актуальности, проблема антропогенеза была той сферой, где ритуалистический (а также «творческий») подход к заимствованию из марксистского канона мог проявляться в наиболее обнаженном виде.

Фридрих Энгельс и «ламарксизм»

Советская литература о происхождении человека начала 1920-х гг., как научная, так и научно-популярная, находилась под сильным влиянием воззрений Томаса Хаксли и в еще большей степени Эрнста Геккеля, «немецкого Дарвина» – наиболее влиятельного на рубеже столетий «наследника» и интерпретатора дарвиновского учения.

Для Хаксли [Huxley, 1863] и Геккеля [Haeckel, 1891; Геккель, 1909] двумя ведущими факторами антропогенеза были возникновение двуногости (бипедализма) и членораздельной речи. Оба этих фактора имели чисто биологическую природу. Ранние советские авторы, например В.В. Лункевич [Лункевич, 1923], послушно следовали этому представлению.

Все изменилось в 1925 г., когда в СССР под названием «Диалектика природы» были изданы оставшиеся в рукописи заметки Ф. Энгельса, работавшего в конце жизни над капитальным трудом о философии естествознания. Хотя эти рукописные материалы не были подготовлены к изданию и невозможно судить о том, какой вид бы они приняли, успей Энгельс довести свой труд до печатного станка, в советском идеоцентризме они получили такой же канонический статус, как опубликованные при жизни Энгельса работы по естествознанию («Анти-Дюринг» и др.). В состав «Диалектики природы» вошел довольно обширный раздел, в котором Энгельс излагал свои взгляды на происхождение человека [Энгельс, 1952, с. 132–144]. В отличие от профессиональных биологов, он подчеркивал роль социальных факторов в антропогенезе, в первую очередь – роль труда. Эта так называемая «трудовая теория» очень быстро стала обязательной для советских философов, социологов и антропологов. Одним из первых ее ввел в научный оборот упомянутый выше Гредескул [Гредескул, 1928].

Сам Энгельс считал, что эта идея стала новым пониманием антропогенеза, превзошедшим теории его предшественников, так как даже «материалистически мыслящие естествоиспытатели из школы Дарвина (Геккель? – *М.В.*) не могут себе составить ясного представления о происхождении человека, так как в силу влияния… идеалистического миросозерцания они не видят роли, которую играл при этом труд» [Энгельс, 1952, с. 139].

Однако при изложении фактологии Энгельс во многом следовал как последнему слову науки того времени построениям Геккеля, принимая, к примеру, его гипотезу о прародине человечества – материке Лемурия, позднее затонувшем в водах Индийского океана. Следуя Геккелю, Энгельс признавал в качестве значимого эволюционного фактора неоламаркистский механизм «наследования приобретенных признаков» (НПП), который в позднейшей литературе

часто трактуется как антидарвинистский (хотя сам Дарвин признавал НПП в качестве одного из факторов эволюции). В то время, до работ А. Вейсмана, подвергшего сомнению реальность НПП, это было общим местом в биологии. Наконец, Энгельс не отрицал значения бипедализма и артикулированной речи, но, в отличие от Хаксли и Геккеля, придавал этим факторам антропогенеза лишь второстепенное значение. Так, человеческую речь он понимал как производное от трудовой деятельности, результат расширения «господства над природой» и сплочения социальных связей, в результате чего у «формировавшихся людей» «явилась потребность что-то сказать друг другу» [Энгельс, 1952, с. 134–135]. НПП рассматривалось Энгельсом как реальный движитель антропогенеза, позволявший сделать наследственными навыки и привычки, возникавшие у архаичных людей в ходе трудовой деятельности.

Для советских авторов все эти высказывания «классика» имели двоякое значение. С одной стороны, ими можно было пользоваться как очень авторитетным аргументом в научных спорах. С другой стороны, в «Диалектике природы» было зафиксировано состояние науки конца XIX в., включая положения, отвергнутые уже в начале XX столетия. Например, Геккель в 1902 г. отказался от своей лемурийской гипотезы, «перенеся» прародину человечества в Южную Азию [Геккель, 1909, с. 337–339]. Вопрос о том, как относиться к подобным «реликтам», разделил советское научное сообщество на два лагеря.

Некоторые естественники-марксисты считали, что научный факт, будучи признан классиками марксизма, тем самым становится не подлежащим ревизии абсолютом. Такой подход в 1920-е гг. проявился в дискуссиях о «физическом идеализме», в частности о теории относительности. Известно, что Эйнштейн своей теорией опроверг существование мирового эфира. Тем не менее некоторые физики в СССР считали возможным усомниться в этом, приводя цитаты из Энгельса и Ленина, в которых упоминается мировой эфир [Сонин, 2017]. Лженаучной и «поповской» по схожим соображениям была объявлена и концепция нестационарной, расширяющейся Вселенной. Диамат унаследовал от немецкой классической философии ньютонианское представление о бесконечной и неизменной Вселенной, что в советских условиях немедленно было догматизировано – по утверждению борцов с «идеализмом» в науке, гипотеза нестационарной Вселенной находится в «непреодолимом противоречии с материализмом» [Там же, с. 101]. Идеалистические же теории в СССР рассматривались как лженаучные по одному факту их реальной или предполагаемой «идеалистичности».

В довоенное время вопрос о реальности НПП как фактора эволюции был одним из наиболее остро дебатировавшихся среди биологов и философов. В то время в классической генетике уже устоялось

выдвинутое А. Вейсманом и развитое Т. Морганом положение о том, что наследование приобретенных признаков в принципе невозможно. Оппоненты генетиков – механоламаркисты – настаивали на том, что НПП доказано экспериментально, и с удовольствием ссылались на «Диалектику природы» как на авторитетный источник своей веры.

В 1927 г. в Коммунистической академии в Москве состоялась дискуссия о проблемах евгеники, основным докладчиком на которой выступил антрополог М. Волоцкой, ламаркист по убеждениям. В полном согласии с Энгельсом он утверждал, что трудовые навыки, «положительное влияние труда», могут наследоваться, что спасает пролетариат от вырождения, выступая в качестве контрбаланса вредному влиянию капиталистической эксплуатации и плохих условий жизни [Волоцкой, 1927, с. 226]. Как выразился один из сторонников Волоцкого, «процесс возникновения нового общественного человека» возможен только в том случае, если приобретенные признаки наследуются [Там же, с. 241]. Известная максима Энгельса о том, что человека создал труд, понималась (и, пожалуй, справедливо) как отражение его ламаркистских убеждений.

По аналогии с социал-дарвинизмом, такую концепцию можно обозначить как *социал-ламаркизм* (в 1920-е гг. бытовало также словечко «ламарксизм», употреблявшееся, насколько могу судить, иронически).

Однако в той же дискуссии участвовали и антиламаркисты. Один из них, М. Местергази, констатировал: «По отношению к не признающим наследования приобретенных признаков применялись разные малопривлекательные эпитеты. Однажды даже ставилось на голосование: признавать ли марксистам [такое] наследование или не признавать. Хорошо, что это голосование не прошло. Прямо говорили, что ежели кто не признает наследования, тот не марксист. Марксист, мол, должен быть обязательно ламаркистом» [Волоцкой, 1927, с. 234]. Действительно, еще в 1925 г. на страницах ведущего теоретического журнала «Под знаменем марксизма» В.Н. Слепков (в будущем профессиональный генетик, а пока – начинающий диаматчик) весьма развязным тоном поучал своих оппонентов: «…очень не мешало бы нашим евгенистам поучиться социологической грамоте, чтобы не совать биологические факторы и куда нужно и куда не нужно»; им надо знать «Тезисы о Фейербахе» Маркса, в которых сказано, что «люди представляют собой продукт обстоятельств и воспитания и что, следовательно, изменившиеся люди являются продуктом изменившихся обстоятельств и другого воспитания» [Слепков, 1925, с. 113]. Именно на этих основаниях – задолго до печально известной «августовской» сессии ВАСХНИЛ 1948 г. – в СССР начались нападки на генетику как на «буржуазную» и «идеалистическую» науку.

Для советских противников ламаркизма высказывания Энгельса представляли серьезный вызов. Применительно к антропогенезу

в «Диалектике природы» прямо говорилось, что «[с]овременное естествознание признает наследственность приобретенных свойств и этим расширяет субъект опыта, распространяя его с индивида на род: теперь уже не считается необходимым, чтобы каждый отдельный индивид лично испытал все на своем опыте; его индивидуальный опыт может быть до известной степени заменен результатами опыта его предков» [Энгельс, 1952, с. 213]. Не имея возможности отвергнуть «авторитет» классика, антиламаркисты в СССР часто выбирали тактику «творческого» подхода к его наследию, пытаясь разделить собственно философское и фактологическое содержание сочинений Энгельса. Противники НПП доказывали, что, вопреки букве этих текстов, можно оставаться марксистом, не становясь сторонником механоламаркизма. Жаркая полемика по этому поводу развернулась весной 1931 г. на дискуссии о «механистическом материализме и меньшевиствующем идеализме» в биологии, подводившей черту под научно-философскими спорами 1920-х гг.[1]

На этой дискуссии один из противников ламаркизма публично заявлял, что позиция Энгельса по вопросу НПП отражает общее мнение натуралистов того времени (включая Дарвина), которое впоследствии было признано ошибочным. Это, по его словам, нисколько не умаляет ни величия Энгельса, ни гениальности его теории происхождения человека. Поэтому, «если мы в этом с Энгельсом разойдемся, никакой беды не будет, и напрасно некоторые лица хотят нас заставить придерживаться каждой буквы Энгельса. Для меня Энгельс тоже авторитет, но я вовсе не считаю, что я должен держаться за каждую букву Энгельса» [Против…, 1931, с. 63].

Данная дискуссия шла уже на весьма изменившемся идеологическом фоне. В первой половине 1929 г. «механистическое» направление в советском марксизме было признано идеалистическим, а вместе с ним под удар попал и механоламаркизм. Теория Ламарка и даже само его имя на некоторое время стали в СССР одиозными. Перед биологами встала задача «очистить» Энгельса от обвинений в ламаркизме, что породило очередной виток дебатов. Пытались даже отрицать очевидное – явное признание Энгельсом НПП, для чего приходилось прибегать к несколько казуистическим аргументам. Например, М. Левин предлагал считать, что на самом деле Энгельс имел в виду не НПП в смысле Ламарка, а говорил о «социальной традиции… социальной преемственности» в антропогенезе [Там же, с. 37]. Генетик А.С. Серебровский доказывал, что Энгельса нельзя

[1] Еще одна подобная дискуссия, на которой сторонники и противники НПП обвиняли друг друга в попытках ревизовать Энгельса, имела место в апреле 1929 г. на 2-й Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научных учреждений. Ограниченный объем статьи не позволяет мне подробно остановиться на ее рассмотрении.

называть ламаркистом, потому что он не разделял идеалистических положений теории Ламарка, а что касается НПП, то в эпоху Энгельса оно признавалось и дарвинистами, и только потом «этот вопрос подвергся пересмотру на основе новейших научных данных» [Против…, 1931, с. 40]. Серебровский был прав в том отношении, что в годы, когда Энгельс работал над фрагментами «Диалектики природы», реальность НПП никем не отрицалась и даже не ставился вопрос о необходимости ее экспериментальной проверки. Первым, кто поставил такой вопрос и попытался его решить опытным путем, был А. Вейсман. Но его первая работа, посвященная опровержению НПП, опубликована только в 1883 г. В «Диалектике природы» она не упоминается, вероятно, Энгельс ее не знал.

Результаты споров 1931 г. отразились в хрестоматии «Маркс, Энгельс, Ленин о биологии», готовили которую победители в дискуссии об «идеализме» в биологии. В сопроводительном тексте к высказываниям Энгельса об антропогенезе было сказано, что «механоламаркистское крыло в биологии» присвоило себе имя Энгельса, «наделив его представлениями о наследственности и изменчивости в духе пошлых метафизических ламаркистских спекуляций по вопросам наследования благоприобретенных “признаков” и т.д.». Механоламаркисты истолковали мысли Энгельса как подтверждение НПП, хотя, по мнению составителей антологии, Энгельс «никогда не солидаризировался с Ламарком и не мог солидаризироваться с ним» [Маркс, Энгельс…, 1933, с. 175]. В этом была определенная правота, потому что исторический ламаркизм – чрезвычайно эклектичная доктрина, в которую, помимо НПП, входило много других объясняющих гипотез. Споры историков биологии о том, что считать подлинным ламаркизмом (ламаркизмом в смысле Ламарка), ведутся до сих пор [Винарский, 2024]. Поэтому Энгельс мог признавать НПП, не считая себя связанным интеллектуальным родством с Ламарком.

В этом контексте понятно более позднее высказывание генетика Н.П. Дубинина, относящееся уже к 1936 г. Полемизируя с «мичуринскими» биологами, он указывал, что один из них, С. Перов, «позорил» «великое имя» Энгельса, позволяя себе его «смешивать с ламаркистами» (цит. по: [Дубинин, 1992, с. 63]).

Впрочем, уже к середине 1930-х гг. споры об интерпретации наследия Энгельса практически потеряли всякий смысл, поскольку возобладал узкодогматический подход к высказываниям «классиков» как к вневременной истине, не подлежащей никакой ревизии. Прерогатива истолкования наследия Маркса, Энгельса и Ленина была делегирована единственному живому «классику», а полифонизм мнений сменился показным единодушием. Такое изменение интеллектуальной ситуации в замечательно экспрессивных выражениях обрисовал один советский историк: «…пришел хозяин, стукнул кулаком по столу и сказал: довольно валять дурака, надо работать. <…>

До сих пор у нас были бесконечные и бесплодные дискуссии. Сколько голов – столько умов. Масса отсебятины…» (цит. по: [Юрганов, 2019, с. 68]). Другому историку той эпохи принадлежит точное определение аподиктического значения цитат из «классиков»: «…если мы возьмем классиков марксизма, то они, хорошо зная исторические факты, дают такие точки зрения, *которые никогда не меняются*, потому что *эта точка зрения есть научная истина*, потому что они даны мыслителями-диалектиками» [Там же, с. 172–173] (курсив мой. – *М.В.*).

«Читать, читать и бесконечно читать…»

Несмотря на агрессивную антиламаркистскую риторику начала 1930-х гг., уже к середине десятилетия механоламаркистская доктрина вошла в качестве очень важного элемента в «мичуринскую» теорию Т.Д. Лысенко. Лысенкоисты, принимавшие НПП, открещивались от ярлыка «ламаркистов» [Kouprianov, 2011] и продолжали делать это до 1946 г., когда история с ламаркистскими симпатиями «классиков марксизма» получила новый поворот.

Марксистский канон расширялся. В 1946 г. вышел первый том собрания сочинений И.В. Сталина [Сталин, 1946], в котором были впервые на русском языке опубликованы его ранние статьи в грузинских газетах, составившие серию «Анархизм или социализм?». В этих статьях, относящихся к 1906–1907 гг., Сталин довольно специфически и весьма упрощенно (если не сказать вульгарно) интерпретировал вопросы эволюционной теории, в которых профессионально не разбирался. Тем не менее его высказывания о дарвинизме, ламаркизме, а также о происхождении человека были тут же признаны гениальными и почти на десятилетие обязательными для цитирования в соответствующих контекстах.

Для моей темы важно то, что высказывания молодого Сталина входили в прямое противоречие с текстами Энгельса. Это дало Лысенко и его сторонникам возможность «обойти» высказывания последнего в «Диалектике природы» и предпочесть им мнения другого классика, в то время гораздо более актуального. Здесь проявилась издревле знакомая христианским богословам коллизия – наличие взаимно противоречивых утверждений в тесте Писания, что требовало особых экзегетических усилий, чтобы либо показать мнимость этих противоречий, либо достичь синтетического понимания их смысла.

«Мичуринцы» полагали, что в своем труде Сталин вскрыл «коренную ошибку» Дарвина, которой оказалась даже не мальтузианская «подкладка» его теории, а так называемый «плоский эволю-

ционизм». Так именовалось присущее якобы Дарвину понимание эволюции как процесса постепенного и плавного видоизменения, лишенного «скачков», которые соответствовали бы моментам быстрого перехода количества в качество. Сталин полагал, что, отрицая «скачки» в эволюции, на необходимости которых настаивает диалектическое мышление, дарвинизм отрицает революционный аспект развития. Эта теория представляет собой антипод теории катастроф Ж. Кювье, объяснявшей развитие живой природы исключительно «скачками», пароксизмами. И то, и другое – метафизично. Таким образом, автор «Анархизма или социализма?» неявно полемизировал с Энгельсом, увидевшим в дарвиновской теории триумф «рациональной диалектики», после которого вся «старая телеология пошла к черту» [Энгельс, 1952, с. 154]. Конечно, в 1906 г. Сталину не была известна «Диалектика природы», но он вполне мог читать «Анти-Дюринг» Энгельса, впервые опубликованный в русском переводе в 1904 г., где говорилось, что Дарвин нанес решительный удар «метафизическому взгляду на природу» [Маркс, Энгельс…, 1933, с. 27]. Таким образом, трактовка дарвинизма и проблем наследственности Сталиным оказалась более актуальной в послевоенном СССР, чем взгляды Энгельса.

Еще одну выгоду, которую извлекли лысенкоисты из опубликования труда молодого Джугашвили, была поддержка им принципа НПП. Хотя в тексте «Анархизма или социализма?» нет прямого обсуждения этого принципа, автор его недвусмысленно симпатизировал теории «неоламаркизма, которой уступает место неодарвинизм» [Сталин, 1946, с. 300]. Рассуждения о происхождении человека, содержавшиеся в этих ранних сталинских статьях, также носили – в полном согласии с Энгельсом – ламаркистский характер. Светлое имя Ламарка было реабилитировано, а «Анархизм или социализм?» вошел в обязательный круг чтения любого советского биолога.

Чрезвычайно наглядно это проявилось в 1947 г. на дискуссии о реальности внутривидовой конкуренции (дарвинистский постулат, который Лысенко решительно отвергал). Видный «мичуринец» А.А. Авакян обвинял своих противников в том, что они ревизуют наследие Маркса и не учитывают ставший доступным на русском языке текст Сталина. Он говорил: «…нельзя выступать с утверждениями, что у Маркса в его время было мало фактического материала по внутривидовой конкуренции. Это не к лицу любому ученому, независимо от чина нашего масштаба (так! – *М.В.*). И нельзя отрицать, что внутривидовая конкуренция это… учение Мальтуса». Он указывал своему оппоненту, что тому «нужно читать Сталина I-й том, читать, читать и бесконечно читать». О себе Авакян говорил, что он «человек маленький, рядовой, уважающий наших академиков, но просящий более серьезно относиться к мнению

основоположников марксизма-ленинизма, что поможет им убедиться в отсутствии внутривидовой конкуренции»[2].

Однако уже в 1953 г. цитаты из Сталина стали утрачивать респектабельность [Сидорова, 2008]. Прошло совсем немного лет, и философ Г.В. Платонов, сторонник лысенкоизма, был вынужден дезавуировать высказывания из «Анархизма и социализма?». По его словам, Сталин писал свои статьи, будучи «молодым, начинающим марксистом», и только в условиях культа личности это произведение, не отличающееся «большой точностью и ясностью», могло стать основой марксистской оценки дарвинизма [Платонов, 1958, с. 34]. Поэтому в середине 1950-х гг. лысенкоисты, доказывая реальность НПП, вновь обратились к авторитету Энгельса (см., например, [Фейгинсон, 1955, с. 134]).

В свое время Л.А. Сидорова [Сидорова, 2008], анализируя работу советских историков с цитатами из основоположников марксизма, выделила три «группы приемов» обращения с ними: 1. Догматическая (цитата как неопровержимый аргумент в научной дискуссии). 2. Формальная (ритуальная), т.е. приведение цитат без прямого отношения к содержанию самого научного труда[3]. 3. Творческая, когда цитата используется как отправная точка для собственного исследования. По ее мнению, третья группа получила распространение в основном уже после смерти Сталина, но на протяжении всей советской истории господствовал все-таки догматический подход к цитированию как следствие «методологического монизма советской исторической науки» [Там же, с. 219].

На мой взгляд, многие из приведенных выше примеров соответствуют еще одному, четвертому, подходу к цитированию «классиков», который можно назвать оппортунистическим (или даже негативистским). Он использовался либо для снятия противоречия между конфликтующими по смыслу цитатами (путем выбора одной из них), либо же для обхода «неудобных» высказываний путем их игнорирования. Последнее можно также продемонстрировать на примере взглядов Энгельса на происхождение человека.

Большинство изводов ламаркизма, признающих ведущее влияние условий среды на наследственность, естественным образом приводят к мысли о врожденном неравенстве отдельных человеческих рас или наций ввиду разности их исторических судеб. Энгельс, как и Геккель (и Дарвин, и большинство натуралистов конца XIX в.), признавал существование «высших» и «низших» рас

[2] «Справка о дискуссии, вызванной высказываниями Лысенко об отсутствии в природе борьбы за существование». Архив РАН. Ф. 1521. Оп. 1. Д. 290. Л. 9.

[3] Замечу, что в биологии круг ритуально цитируемых авторов помимо «классиков» марксизма включал в 1930–1950-е гг. также Дарвина, Тимирязева, Мичурина, Лысенко [Kouprianov, 2011; Винарский, 2025].

и наличие генетически обусловленных различий в их интеллектуальных способностях. «Диалектика природы» говорит об этом безо всяких обиняков: «Если, например, у нас математические аксиомы представляются каждому восьмилетнему ребенку чем-то само собой разумеющимся, не нуждающимся ни в каком опытном доказательстве, то это является лишь результатом “накопленной наследственности”. Бушмену же или австралийскому негру вряд ли можно втолковать их [даже] посредством доказательства» [Энгельс, 1952, с. 213–214].

В своем дискурсе о «высших» и «низших» расах, как и в некоторых других высказываниях об эволюции человека, Энгельс, несомненно, следовал Геккелю – самому влиятельному в те годы автору, развивавшему эволюционную теорию антропогенеза. Геккель выстраивал расы человека на лестнице совершенства, от высших к низшим. Последние представляют собой последнюю ступень, ниже которой располагаются уже «обезьянолюди». Сопоставьте с этим слова Энгельса о том, что «самые низшие дикари, даже такие, у которых приходится предположить возврат к звероподобному состоянию с одновременным физическим вырождением», все же стоят выше «вымерших обезьянолюдей» [Там же, с. 133]. В текстах Геккеля найдется и прямая параллель к рассуждениям Энгельса о врожденной неспособности «дикаря» к математике: «Очень многие дикие народы умеют считать только до десяти или двадцати, между тем как умных собак заставляли добиваться счисления до 40 и даже свыше 60». Поэтому невозможно «насадить человеческую культуру там, где еще нет для этого надлежащей почвы, т.е. определенной степени развития мозга» [Геккель, 1909, с. 375].

В 1920-е гг. откровенно расистское (с нынешней точки зрения) учение о «высших» и «низших» расах не было чем-то необычным в советской литературе. Так, один из основоположников «механистического» течения в отечественном марксизме, И. Скворцов-Степанов, писал, что «в устройстве костей современного дикаря, в относительной силе передних и задних конечностей, в особенностях челюстей, скуловых костей и в высоких надбровных дугах… а вместе с тем и в психических свойствах, еще больше сходства с человекообразными обезьянами, чем у культурных народов: китайцев, японцев, татар, европейцев, индусов, арабов» [Степанов, 1925, с. 28]. Он же утверждал, что «китайский кули (чернорабочий) сильно уступает американскому рабочему по своей работоспособности и для некоторых работ, требующих изощренной, напряженной внимательности и высокой нервной возбудимости, *пока вообще непригоден*. Экономисту при выяснении этих явлений очень полезно заглянуть в *хорошее университетское руководство по физиологии*» [Там же, с. 41] (курсив мой. – *М.В.*). При этом автор отмежевывался от социал-дарвинистского тезиса о том, что есть люди, от природы

осужденные «на жалкое прозябание» и повиновение – «все это в усиленной степени относится к туземному населению Африки, Азии, Австралии: к неграм, китайцам, индусам, арабам и т.д.» [Степанов, 1925, с. 58].

Противники ламаркизма энергично опровергали это представление и также апеллировали к математическим способностям, стараясь при этом не задевать имя Энгельса. Упомянутый выше М. Местергази, оппонируя Волоцкому, говорил: «Ламаркистам лучше не касаться вопроса о способностях малокультурных народностей. <…> Если взять московского обывателя и какого-нибудь тунгуса или самоеда, то никакой разницы в одаренности нет. Чем московский обыватель отличается от тунгуса? Только тем, что он рождается в более богатой культурной среде. <…> Машинка его, его нейроны, по количеству и разнообразию, может быть, не отличаются от тунгусских, но условные связи устанавливаются в гораздо большем количестве. <…> В своей бедной жизни тунгус считает до десяти – не больше, и предки его больше десяти не считали, а сюда приезжают ребята и прекрасно математикой занимаются. Нисколько не хуже нас. Значит, никаких наследственных тяжестей от прошлого их существования они на себе не несут» [Волоцкой, 1927, с. 234]. Это – полемика по отношению к «Диалектике природы», но полемика скрытая.

В 1930-е гг. любые намеки на расизм и идею расовой неравноценности в СССР были табуированы, что было обусловлено в том числе приходом к власти национал-социалистов в Германии. Общепринятым мнением в советской антропологии стало то, что что биологически детерминированных различий в умственном и психическом развитии рас не существует. «Успешное национальное развитие народов Индии, Индонезии, молодых государств Африки после их освобождения от колониализма служит ярким свидетельством, что не “плохая психика”, а колониальное господство было тормозом на пути их исторического развития» [Якимов, 1963, с. 360].

Итак, Энгельс был повинен в грехе признания наследственного неравенства рас, врожденности и неизбывности интеллектуальных различий между ними, что находило свое объяснение в рамках неоламаркистской парадигмы. То, что советские идеологи не обвиняли Энгельса в том, что́ они поставили бы на вид любому другому западному автору (тому же Эрнсту Геккелю, например), показывает, что их подход к цитированию «классиков» имел селективный (или оппортунистический) характер. Неудобные высказывания канонизированных авторов просто игнорировались. Так, никто не писал всерьез про «прародину» человечества Лемурию, существование которой в XX в. было убедительно опровергнуто геологическими данными.

Это проявлялось в отношении не только к расизму. Вот пример, взятый из переписки биолога и философа А.А. Любищева, который

был хорошо знаком с гебраистом И.Д. Амусиным – видным советским специалистом по происхождению христианства. По свидетельству Любищева, Амусину «с трудом удалось от редактора добиться, чтобы вставить цитату из Энгельса, восстанавливающую старое положение, что христианство возникло в Палестине и именно в начале первого века, так как наши марксиствующие ослы и холуи считали, что "научно доказано", что Христа не было, а христианство возникло в диаспоре лет на 200–300 позже. Я знаю, многие верующие христиане очень довольны этой книгой»[4]. В данном случае автору пришлось не игнорировать, а «пробивать» в печать цитаты из «классика», оказавшиеся неуместными в данный момент развития советской идеологии.

Заключение

Я полагаю, что многообразие приемов цитирования и интерпретирования цитат «классиков» советскими учеными, показанное в этой работе, а также другими исследователями (Л.А. Сидорова, А.Л. Юрганов, С.Б. Крих), свидетельствует о том, что научное сообщество СССР давало эффективный «адаптивный ответ» (используя термин эволюционной экологии) на требование власти сообразовывать научные убеждения с канонизированными взглядами «классиков марксизма». Хотя принятие диалектического (или исторического) материализма в качестве методологической базы и личного мировоззрения далеко не всегда было вынужденным и/или показным, реальной исследовательской мысли зачастую было тесно в установленных идеологическими надзирателями (А.А. Любищев называл их «философскими нянюшками», призванными опекать правоверие советских ученых) рамках. Сохраняя в массе своей политическую лояльность власти, ученые были вынуждены маневрировать, и в этих разнообразных маневрах проявлялась «научная позиция» конкретного ученого, «присущий ему исследовательский стиль» [Сидорова, 2008, с. 188]. Поэтому «существование рациональных элементов в отношении советских [ученых] к марксистско-ленинскому наследию на фоне преобладающего догматического характера его использования отмечалось» на всем протяжении 1930–1950-х гг. [Там же, с. 196]. По наблюдению С.Б. Криха [Крих, 2020, с. 166], каждый советский ученый умел «аккуратно обходить или специфично трактовать любого

[4] Письмо А.А. Любищева В.Л. Циопкало, 15.11.1961. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1033. Оп. 2. Д. 521. Л. 130. Имеется в виду книга «Рукописи Мертвого моря» [Амусин, 1960]. Автор ссылается на высказывания Энгельса на стр. 262 и 263.

из “классиков”… и такого рода операции вовсе не были нелигитимными – пока не переходилась грань, которую негласно чувствовало научное сообщество».

Известно, что даже в обществах с развитым каноническим мышлением и жесткой нормативизацией творчества наличие канона, например эстетического, не всегда приводит к тотальной догматизации. Каноническая схема в известных случаях «провоцирует талантливого мастера на конкретное преодоление ее внутри нее самой системой мало заметных, но художественно значимых отклонений от нее» [Бычков, 2020, с. 288]. Это высказывание известного специалиста по эстетике может быть, *mutatis mutandis*, применено и к рассмотренным выше перипетиям.

Список литературы

Амусин, 1960 – *Амусин И.Д.* Рукописи Мертвого моря. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 272 с.

Бычков, 2020 – *Бычков В.В.* Эстетика. М.: Академический проект, 2020. 452 с.

Винарский, 2024 – *Винарский М.В.* «Новое учение о виде» Трофима Лысенко: тексты и контексты. СПб.: Реноме, 2024. 304 с.

Винарский, 2025 – *Винарский М.В.* Ритуальное цитирование в советской биологической литературе: на примере «Зоологического журнала» (1930–1950-е гг.) // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2025. Т. 11. С. 68–79.

Волоцкой, 1927 – *Волоцкой М.* Спорные вопросы евгеники [с прениями по докладу] // Вестник Коммунистической академии. 1927. Кн. 20. С. 212–254.

Геккель, 1909 – *Геккель Э.* Естественная история миротворения. СПб.: Научная мысль, 1909. Кн. 2. 384 с.

Гредескул, 1928 – *Гредескул Н.А.* Происхождение человека от обезьяны. Л.: Красная газета, 1928. 45 с.

Гуревич, 2004 – *Гуревич А.Я.* История историка. М.: РОССПЭН, 2004. 284 с.

Дубинин, 1992 – *Дубинин Н.П.* История и трагедия советской генетики. М.: Наука, 1992. 384 с.

Кедров, 1947 – *Кедров Б.М.* Энгельс и естествознание. М.: Политиздат, 1947. 480 с.

Крих, 2020 – *Крих С.Б.* Другая история: «Периферийная» советская наука о древности. М.: НЛО, 2020. 314 с.

Ленин, 1922 – *Ленин В.И.* О значении воинствующего материализма // Под знаменем марксизма. 1922. № 3. С. 5–12.

Лункевич, 1923 – *Лункевич В.В.* Откуда и как пошел род людской? Происхождение человека. Симферополь: Пролетарское дело, 1923. 66 с.

Маркс, Энгельс…, 1933 – Маркс, Энгельс, Ленин о биологии / Сост.: М.И. Айзупет, П.А. Исаков, Б.П. Токин. М.: Партиздат, 1933. 240 с.

Платонов, 1958 – *Платонов Г.В.* Мичуринское учение и дарвинизм // Философские вопросы естествознания. М.: Изд-во МГУ, 1958. Вып. 1. С. 7–65.

Против…, 1931 – Против механистического материализма и меньшевиствующего идеализма в биологии / Под ред. П.П. Бондаренко, В.С. Брандгендлера, М.С. Мицкевича, Б.П. Токина. М.; Л.: Медгиз, 1931. 104 с.

Сидорова, 2008 – *Сидорова Л.А.* Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений историков. М.: ИРИ РАН, 2008. 293 с.

Слепков, 1925 – *Слепков В.Н.* Наследственность и отбор у человека // Под знаменем марксизма. 1925. № 4. С. 102–122.

Сонин, 2017 – *Сонин А.С.* Физический идеализм. Драматический путь внедрения революционных идей физики начала XX века. М.: ЛЕНАНД, 2017. 320 с.

Сталин, 1946 – *Сталин И.В.* Сочинения. М.: ОГИЗ-Госполитиздат, 1946. Т. 1. 425 с.

Степанов, 1925 – *Степанов И.* Исторический материализм и современное естествознание. М.: Госиздат, 1925. 84 с.

Фейгинсон, 1955 – *Фейгинсон Н.И.* Основные вопросы мичуринской генетики. М.: Изд-во МГУ, 1955. 454 с.

Энгельс, 1952 – *Энгельс Ф.* Диалектика природы. М.: Политиздат, 1952. 328 с.

Юрганов, 2019 – *Юрганов А.Л.* Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2019. 765 с.

Якимов, 1963 – *Якимов В.П.* От обезьяны к человеку, от животного стада к обществу // Очерк диалектики живой природы / Под ред. Г.В. Платонова. М.: Соцэкгиз, 1963. С. 319–368.

References

Amusin, I.D. *Rukopisi Mertvogo morya* [The Dead Sea Scrolls]. Moscow: The USSR Academy of Sciences Press, 1960. (In Russian)

Berdyaev, 1937 – Berdyaev, N. *The Origin of Russian Communism*. London: Geoffrey Bles, 1937.

Bychkov, V.V. *Estetika* [Aesthetics]. Moscow: Akademicheskiy Proekt, 2020. (In Russian)

Dubinin, N.P. *Istoriya i tragediya sovetskoy genetiki* [The History and Tragedy of Soviet Genetics]. Moscow: Nauka, 1992. (In Russian)

Engels, E. *Dialektika prirody* [Dialectics of Nature]. Moscow: Politizdat, 1952. (In Russian)

Feiginson, N.I. *Osnovnyye voprosy michurinskoy genetiki* [The Basic Questions of Michurinist Genetics]. Moscow: The Moscow State Univerity Press, 1955. (In Russian)

Gredeskul, N.A. *Proiskhozhdeniye cheloveka ot obezyany* [The Origin of Man from an Ape]. Leningrad: Krasnaya gazeta, 1928. (In Russian)

Gurevich, A.Y. *Istoria istorika* [The History of an Historian]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004. (In Russian)

Haeckel, 1891 – Haeckel, E. *Anthropogenie; oder Entwickelungsgeschichte des menschen. Keimes- und stammesgeschichte*. Leipzig: W. Engelmann, 1891.

Haeckel, E. *Estestvennanya istoriya mirotvoreniya* [The Natural History of the World Creation]. St. Petersburg: Nauchnaya mysl', 1909. Vol. 2. (In Russian)

Huxley, 1863 – Huxley, T.H. *Evidence as to Man's Place in Nature*. London: Williams & Norgate, 1863.

Jordan, 1967 – Jordan, Z.A. *The Evolution of Dialectical Materialism*. London etc.: Macmillan, 1967.

Kedrov, B.M. *Engels i estestvoznaniye* [Engels and Natural Sciences]. Moscow: Politizdat, 1947. (In Russian)

Kouprianov, 2011 – Kouprianov, A.V. "The 'Soviet Creative Darwinism' (1930s–1950s): From the selective reading of Darwin's works to the transmutation of species", *Studies in the History of Biology*, 2011, vol. 3, pp. 8–31.

Krikh, S.B. *Drugaya istoriya: "Periferiinaya" sovetskaya nauka o drevnosti* [The Other History: The "Marginal" Soviet Science of Antiquity]. Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye, 2020. (In Russian)

Lenin, V.I. "O znachenii voinstvuyushchego materializma" [On the Significance of Militant Materialism], *Pod znamenem marksizma*, 1922, no. 3, pp. 5–12. (In Russian)

Lunkevich, V.V. *Otkuda i kak poshel rod lyudskoy. Proiskhozhdenie cheloveka* [Where and How Did the Human Race Come from? The Origin of Man]. Simferopol: Proletarskoye delo, 1923. (In Russian)

Marks, Engels, Lenin o biologii [Marx, Engels, Lenin on Biology]. Moscow: Partizdat, 1933. (In Russian)

Platonov, G.V. "Michurinskoye ucheniye i darwinizm" [The Michurinist Doctrine and Darwinism]. In: *Filosofskiye voprosy estestvoznaniya*. Moscow: The Moscow State University Press, 1958, vol. 1, pp. 7–65. (In Russian)

Protiv mekhanisticheskogo materializma i men'shevistvuyushchego idealizma v biologii [Against Mechanistic Materialism and Menshevik-style Idealism in Biology]. Moscow: Medgiz, 1931. (In Russian)

Sidorova, L.A. *Sovetskaya istoricheskaya nauka serediny XX veka: sintez tryokh pokoleniy istorikov* [Soviet historiography of the middle of the 20th century: a synthesis of three generations of historians]. Moscow: Institute of Russian History, 2008. (In Russian)

Slepkov, V.N. "Nasledstvennost' i otbor u cheloveka" [Heredity and selection in humans], *Pod znamenem marksizma*, 1925, no. 4, pp. 102–122. (In Russian)

Sonin, A.S. *Fizicheskiy idealizm. Dramaticheskiy put' vnedreniya revolyutsionnykh idey fiziki nachala XX veka* [Physical Idealism. The Dramatic Path of Implementation of Revolutionary Ideas of Physics at the Beginning of the 20th Century]. Moscow: LENAND, 2017. (In Russian)

Stalin, I.V. *Sochineniya* [Works]. Moscow: OGIZ-Gospolitizdat, 1946. Vol. 1. (In Russian)

Stepanov, I. *Istoricheskii materializm i sovremennoe estestvoznanie*. [Historical Materialism and Modern Science]. Moscow: Gosizdat, 1925. (In Russian)

Vinarskiy, M.V. *"Novoe uchenie o vide" Trofima Lysenko: teksty i kontekst*y ["The New Doctrine of Species" by Trofim Lysenko: Texts and Contexts]. St. Petersburg: Renome Publ., 2024. (In Russian)

Vinarskiy, M.V. "Ritual'noye tsitirovaniye v sovetskoy biologicheskoy literature: na primere 'Zoologichskogo zhurnala' (1930–1950-e gg.) [Ritual Citation in Soviet Bio-

logical Literature: On the Example of "Zoologicheskiy zhurnal", 1930–1950s], *Problemy deyatel'nosti uchenogo i nauchnykh kollektivov*, vol. 11, pp. 68–79. (In Russian)

Volotskoi, M. "Spornyye voprosy eugeniki (s preniyami po dokladu)" [Disputable Questions of Eugenics (with a Discussion on the Lecture)], *Vestnik Komakademii*, 1927, vol. 20, pp. 212–254. (In Russian)

Yakimov, V.P. Ot obezyany k cheloveku: ot zhivotnogo stada k obshchestvu [From Ape to Man, from Animal Herd to Society]. In: *Ocherki dialektiki zhivoy prirody* [Essays on Dialectics of Living Nature]. Moscow: Sotsekgiz, 1963, pp. 319–368. (In Russian)

Yurganov, A.L. *Russkoe natsional'noe gosudarstvo: Zhiznennyi mir istorikov epokhi stalinizma* [The Russian National State: The Lifeworld of Historians of the Stalinist Era]. Moscow: RGGU Publ., 2019. (In Russian)